

Карен М. Макманус

Карен М. Макманус

ОДИН

ИЗ

НАС

СЛЕДУЮЩИЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
M15

Серия «Neoclassic: Расследование»

Karen M. McManus
ONE OF US IS NEXT

Перевод с английского *С. Селифоновой*

Дизайн обложки *В. Давлетбаевой*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Intercontinental Literary Agency Limited.

В оформлении обложки используются иллюстрации из фотобанка
«Shutterstock». Используется по лицензии от Shutterstock.com

Макманус, Карен М.

M15   Один из нас — следующий : [роман] / Карен М. Макманус ; [перевод с английского С. Селифоновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 352 с. — (Neoclassic: Расследование).

ISBN 978-5-17-146232-1

Добро пожаловать в «Бэйвью-Хай».

Прошел год, и жители тихого пригорода постепенно оправляются от ужасных событий. Однако внезапно кошмар возвращается — в новом обличье.

Кто-то неизвестный вовлекает старшеклассников в онлайн-игру «Правда или Вызов». В течение суток очередная жертва должна отправить ответ: что она выбирает?

Правду? И все учащиеся школы узнают самый темный и постыдный из секретов игрока. Или Вызов? Тогда придется выполнить задание. Опасное задание...

Когда погибает один из участников игры, его одноклассникам Мейв, Фиби и Ноксу становится ясно: эта смерть не была случайной. Но кто это подстроил и зачем? Они прекрасно понимают: вычислить организатора игры предстоит им самим. И как можно быстрее — пока смертей не стало больше...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-146232-1

© Karen M. McManus, 2020

 Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Посвящаю моим маме и папе

Часть I

Пятница, 6 марта

Репортер (*стоит на фоне большого белого здания с лепниной*): С вами Лиз Розен, служба новостей Седьмого канала. Я веду прямой репортаж из школы «Бэйвью-Хай». Вчера ее учащиеся были потрясены потерей одноклассника. Это уже вторая за последние полтора года трагическая смерть подростка в нашем городе, и жители Бэйвью испытывают ужасное чувство дежавю.

В кадре появляются две девушки — одна в слезах, другая с каменным лицом.

Плачущая девушка: Это просто... просто ужасно. Вам не кажется, что Бэйвью проклят? Сначала Саймон, а теперь вот...

Девушка с каменным лицом: На этот раз все произошло не так, как с Саймоном.

Репортер (*подносит микрофон к плачущей девушке*): Вы близко знали погибшего одноклассника?

Плачущая девушка: Не то чтобы близко-близко. То есть совсем не близко. И вообще я здесь новенькая.

Репортер (*поворачиваясь к другой девушке*): А вы?

Девушка с каменным лицом: Я думаю, что мы не обязаны говорить с вами об этом.

*За два с половиной месяца
до описываемых событий*

Reddit, подфорум «Я мститель»
Тема открыта пользователем Бэйвью2020

Бэйвью2020:

Привет.

Это та самая группа, где Саймон Келлехер размещал посты?

Темный Дух:

Привет.

Она самая.

Бэйвью2020:

А зачем переехали? И почему сюда почти никто не пишет?

Темный Дух:

На старый сайт набежало слишком много журналистов и всяких придурков.

Теперь у нас новые правила безопасности. Усвоили урок нашего друга Саймона.

Который тебе знаком, судя по нику?

Бэйвью2020:

Саймона все знали. Я тоже. Хотя друзьями мы не были...

Темный Дух:

О'кей. И что привело тебя сюда?

Бэйвью2020:

Не знаю. Просто случайность.

Темный Дух:

Ври больше. Этот форум предназначен для тех, кто жаждет мести, его просто так не найдешь.

И ты здесь не без причины.

Тебя привело сюда что-то. Или кто-то.

Бэйвью2020:

Кто-то.

Кое-кто совершил кое-что ужасное.

Разрушил мою жизнь. И не только мою.

И пока с ним НИЧЕГО не случилось.

И я не в силах это изменить.

Темный Дух:

Аналогично.

У нас с тобой много общего.

Тошно, когда тот, кто разрушил твою жизнь, разгваливает вокруг как ни в чем не бывало.

И ему на тебя наплевать.

Однако я позволю себе не согласиться с твоими умозаключениями.

Всегда можно что-то предпринять.

Глава 1

Мейв

Понедельник, 17 февраля

Сестра считает меня неорганизованной. Не то чтобы она это прямо говорит — а точнее, пишет в сообщениях, — но явно подразумевает.

Ты изучила список колледжей, который я прислала?

Да, ты оканчиваешь школу лишь в следующем году, но не думай, что еще слишком рано. На самом деле уже поздно.

Если хочешь, можем посетить некоторые колледжи, когда я приеду домой на девичник Эштон.

Обязательно займись чем-то, что находится вне твоей зоны комфорта.

Как насчет Гавайского университета?

Я отрываюсь от сообщений на экране телефона и ловлю вопросительный взгляд Нокса Майерса.

— Бронвин предлагает мне поступать в колледж при Гавайском университете, — докладываю я.

Нокс едва не давится эмпанадой.

— Разве она не знает, что это на острове?

Он берет стакан воды со льдом и одним глотком осушает его наполовину. Кафе «Контиго» славится эмпанадами на весь наш город Бэйвью, но здесь представлен широкий выбор и для тех, кто не привык к острой пище. Например, для Нокса, который несколько лет назад приехал из Канзаса и до сих пор

считает одним из своих любимых блюд грибную запеканку.

— Твоя сестра уже забыла, что ты ярая противница пляжей?

— Да никакая не противница, — возражаю я. — Просто я не любитель песка, яркого солнца, подводных течений. И морских гадов. — С каждым моим утверждением Нокс приподнимает брови все выше. — Кстати, не ты ли уговорил меня посмотреть «Монстр из бездны»? Моя океанофобия — по большей части твоих рук дело.

Прошлым летом Нокс стал моим первым бойфрендом. Мы оба были неопытны и не сразу поняли, что наше взаимное притяжение не столь велико. Время мы проводили за просмотром канала «Наука» и, наверное, благодаря тому быстро сделали вывод, что лучше остаться просто друзьями.

— Ладно, убедила, — сухо отвечает Нокс. — Зато для тебя полезный урок. Теперь уж точно сможешь написать прочувствованное вступительное сочинение. Когда потребуется. — Он наклоняется вперед и повышает голос для убедительности: — То есть следующим летом!

Я вздыхаю, постукивая пальцами по яркой мозаичной столешнице. «Контиго» — аргентинское кафе; в воздухе витает смесь сладких и пряных ароматов, стены выкрашены в глубокий синий цвет, а потолок — в серебристо-белый. Кафе находится примерно в миле от моего дома, и с тех пор как Бронвин уехала в Йель и моя комната внезапно стала слишком тихой, я привыкла делать здесь домашние задания. Мне нравится его дружеская атмосфера, где никому нет дела до того, что я сижу в кафе три часа и заказываю только кофе.

— Бронвин считает, что я не знаю, чего хочу.

— Ну да, она-то сама чуть ли не с рождения нацелилась в Йель!.. У нас еще куча времени.

И мне, и Ноксу — семнадцать, мы старше большинства наших одноклассников в «Бэйвью-Хай». Он — потому что был маленького роста, и родители поздно отдали его в школу, а я половину детства провела в больницах из-за лейкемии.

Я протягиваю руку, чтобы поставить пустую тарелку Нокса на свою, и опрокидываю солонку. Белые кристаллики рассыпаются по столу. Почти на автомате я беру двумя пальцами щепотку и бросаю за плечо. Бабушка меня учила, что так можно отвести от себя несчастье. Она вообще суеверна: некоторые предрассудки привезла из Колумбии, другими обзавелась за тридцать лет жизни в Штатах. В детстве я все принимала на веру, особенно во время болезни. *Если буду носить подаренный бабушкой браслет из бисера, обследование пройдет безболезненно. Если не наступлю ни на одну щель в полу, лейкоциты в крови будут в пределах нормы. Если на Новый год ровно в полночь съем двенадцать виноградин, то в следующие двенадцать месяцев не умру.*

— Во всяком случае, если ты не сразу пойдешь в колледж, конец света не наступит, — успокаивает меня Нокс, отводя со лба прядь каштановых волос. Он сидит за столом, ссутулившись — настолько худой и нескладный, что выглядит голодным даже после того, как умял все свои эмпанеды и половину моих. Стоит Ноксу прийти к нам домой, как мои родители пытаются его накормить. — Не все же продолжают учиться после школы. — Он обводит кафе взглядом и останавливается на Эдди Прентис, которая как раз вышла с подносом из кухни.

Эдди с профессиональной легкостью лавирует между столиков, разнося заказы. На День благодарения

телешоу «Следствие ведет Мигель Пауэрс» выпустило в эфир специальный репортаж «Четверка из Бэйвью: что с ними стало». Тогда Эдди впервые согласилась на интервью. Вероятно, причина была в том, что продюсеры уготовили ей роль самой неудачливой из четверых — моя сестра поступила в Йель, Купер получает стипендию в Университете штата Калифорния в Фуллертоне, даже Нейт проходит курс обучения в местном колледже, и только Эдди ничего не добила. Однако Аделаида Прентис не могла допустить заголовков типа «Бывшая королева красоты из школы «Бэйвью-Хай» скатилась с Олимпа».

— Если ты знаешь, чем хочешь заниматься после окончания школы, великолепно, — заявила она, сидя на барном стуле в «Контиго» на фоне меню, написанного на доске цветными мелками. — А если нет, зачем выкладывать круглую сумму за диплом, который, возможно, никогда и не пригодится? Вовсе не обязательно в восемнадцать лет составлять план на всю жизнь!

Или в семнадцать. Я украдкой поглядываю на телефон в ожидании очередного шквала сообщений от Бронвин. Я люблю сестру, но считаю ее перфекционизм абсолютно недостижимым.

В кафе начинается вечерний наплыв посетителей и свободных мест почти нет; тем временем все телевизоры переключают на бейсбол — сегодня в Фуллертоне открытие сезона. Эдди замирает на секунду с почти пустым подносом, обводит взглядом помещение и улыбается, встретившись со мной глазами, затем подходит и ставит перед нами тарелочку с альфахорес. Сладкие сэндвичи пользуются в «Контиго» особым спросом, а еще это единственное блюдо, которое Эдди научилась готовить за девять месяцев работы в кафе.

Мы с Ноксом одновременно хватаем по печенью.

— Ребята, хотите что-нибудь еще? — спрашивает Эдди, заправляя за ухо золотисто-розовую прядку. За год она перепробовала несколько вариантов мелирования, но прижились только розовые и пурпурные оттенки. — Если да, заказывайте сейчас. Потом у всех будет перерыв. Купер вступает в игру, — она бросает взгляд на настенные часы, — минут через пять.

Я мотаю головой. Нокс встает и отряхивает крошки со своей любимой серой толстовки.

— Я ничего больше не хочу — только в туалет. Мейв, поддержишь мое место?

— Конечно. — Я перекладываю сумку на его стул.

Эдди поворачивается и едва не роняет поднос.

— Боже мой! Это он!

На всех экранах одна и та же картинка: Купер Клей идет к питчерской горке на разминку перед своей первой игрой в колледже. Я видела Купера на Рождество, меньше двух месяцев назад, однако сейчас он выглядит словно крупнее. Такой же красавец с мощной челюстью, а в глазах появился стальной блеск, которого прежде я не видела. Впрочем, я всегда наблюдала поддачи Купера только с большого расстояния.

В кафе шумно, и слов комментатора невозможно разобрать, но догадаться легко: дебют Купера стал темой номер один для местных любителей бейсбола. Повышенный интерес вызван тянущимся за знаменитой Четверкой из Бэйвью шлейфом популярности и тем фактом, что Купер является одним из немногих открытых геев среди бейсболистов. А еще тем, что на весенних тренировках он просто творил чудеса. Спортивные аналитики заключают пари: Купер попадет в Лигу еще до окончания первого сезона в колледже.

— Наша суперзвезда летит навстречу судьбе! — с гордостью говорит Эдди. На экране Купер поправляет бейсболку. — Обойду свои столики, а потом присоединюсь к вам. — Она идет через зал с подносом под мышкой и блокнотом в руке. Внимание посетителей уже переключилось с еды на бейсбол.

Мой взгляд устремлен на экран, хотя вместо Купера показывают интервью с тренером команды противника. *Если Купер победит, этот год закончится хорошо.* К черту подобные мысли! Я не смогу получить удовольствие от игры, одновременно заключая очередное пари с судьбой.

Рядом раздается звук передвигаемого стула, и моей руки касается рукав знакомой кожаной куртки.

— Как дела, Мейв? — Нейт Маколи усаживается рядом и тут же замечает рассыпанную соль. — Ничего себе! У нас погром? Не к добру это.

— Ха-ха, — отвечаю я.

С тех пор как около года назад Нейт и Бронвин начали встречаться и он фактически стал мне как брат, я привыкла к его подколкам и воспринимаю их нормально даже сейчас, когда пара «взяла перерыв», в третий раз с отъезда Бронвин на учебу. Проведя прошлое лето в страхе и переживаниях, как повлияет на их отношения расстояние в три тысячи миль, сестра и ее бойфренд выработали схему: неразлучны-поссорились-расстались-снова помирились. И схема, как ни странно, работает.

Нейт молча ухмыляется, и мы замолкаем — нам обоим хорошо. Я люблю проводить время с ним, и с Эдди, и со всеми друзьями Бронвин. «Наши друзья», — говорит сестра, но это не совсем верно. Они стали сначала ее друзьями и не стали бы моими без нее.

Словно в ответ на мои мысли, подает голос телефон, и на экране появляется очередное сообщение от Бронвин.

Игра началась?

Вот-вот. Купер разминается.

Ну почему у нас нельзя смотреть трансляции вашего спортивного канала? Хочу!!!

Да, наш местный канал нельзя поймать в Нью-Хейвене, штат Коннектикут. А можно только в радиусе не более трех часов езды от Сан-Диего.

Я записываю для тебя.

Знаю. Но это не то.

Прости :(

Я проглатываю последнее печенье, наблюдая, как на экране мигают серые точки. Следующее сообщение никак не появляется, и я догадываюсь, о чем оно будет. Бронвин печатает со скоростью молнии и медлит, только если боится сделать что-то необдуманное. А сейчас в списке тем, которые лучше не поднимать, всего один пункт.

Нейт здесь?

Ну вот, угадала. И пусть сестра сейчас далеко, это не мешает мне немного пошутить над ней.

Я печатаю в ответ *Кто?* и поворачиваюсь к Нейту.

— Бронвин передает тебе привет.

Его темно-голубые глаза вспыхивают, но лицо остается бесстрастным.

— Ей от меня тоже.

Попался! Не важно, насколько дорог тебе человек — все меняется, если вас вдруг разносит в разные стороны. Однако у нас с Нейтом не тот характер, чтобы говорить о своих чувствах, так что я просто корчу ему рожу:

— Сдерживать эмоции вредно для здоровья.

Ответить Нейт не успевает. Вокруг начинается суета: вернулся Нокс, за столик подсаживается Эдди со своим стулом, а передо мной материализуется блюдо кукурузных чипсов с мясом, расплавленным сыром и соусом чимичурри — версия начос, которую готовят в «Контиго».

Я смотрю в направлении, откуда появилось блюдо, и натываюсь на пару темно-карих глаз.

— Закуска к игре, — говорит Луис Сантос, перемещая полотенце с руки на плечо. Луис — лучший друг Купера по «Бэйвью-Хай» и его кэтчер в бейсбольной команде школы. Кафе «Контиго» владеют его родители, а сам Луис работает здесь несколько часов в день и параллельно учится в колледже. С тех пор как угловой столик в кафе стал для меня вторым домом, я вижу Луиса чаще, чем многих других.

Нокс набрасывается на еду так, будто не он умял только что две порции эмпанад и тарелку печенья.

— Осторожно, горячее, — предупреждает Луис, опускаясь на стул напротив меня. *Вот и пожалуйста*, говорю себе я. Увы, у меня слабость к красивым накачанным спортсменам. Как у двенадцатилетней девчонки. И я ничему не научилась даже после того, как в первый год учебы неразделенная страсть к одному баскетболисту стоила мне унижительного поста в блоге Саймона Келлехера «Про Это».

Я не особо голодна, но все же извлекаю ломтик чипсов из глубины блюда и слизываю соль с уголка.

— Спасибо, Луис!

Нейт ухмыляется.

— Мейв, ты что-то говорила о сдерживании эмоций?

Я краснею, заталкиваю в рот ломтик целиком и агрессивно жую, уставившись Нейту в лицо. Порой ума не приложу, что нашла в нем моя сестра.

Тыфу ты, совсем забыла про сестру!.. Хватаю телефон, чувствуя укор совести, виновато смотрю на вереницу печальных эмодзи и спешу исправиться:

Я пошутила. Нейт сидит здесь весь несчастный.

Несчастливым он не выглядит, потому что никто не носит маску в стиле «а мне наплевать» так успешно, как Нейт Маколи. Хотя я-то догадываюсь, что у него внутри.

Фиби Лоутон, еще одна официантка и моя одноклассница, расставляет стаканы с водой и присаживается рядом. На экране первый бэттер команды противника не спеша идет к основной базе. Камера показывает крупным планом лицо Купера: он поднимает руку в перчатке и прищуривается.

— Давай, Куп, — шепчет Луис, инстинктивно сгибая руку, будто на нем кэтчерские перчатки. — Сделай игру!

Двумя часами позже все кафе наполняют взволнованные крики. Купер сыграл почти безупречно: восемь аутов, один проход до первой базы, одно попадание и ни одной перебежки за семь иннингов. «Титаны Фуллертона» выигрывают со счетом три-ноль, и никто в Бэйвью особо не расстраивается, что Купера сменил запасной питчер.

— Я так счастлива за Купера! — Эдди просто сияет. — Он заслуживает всего самого лучшего после... ну, ты знаешь, — ее улыбка гаснет, — после всего.

После всего. Это еще мягко сказано. Почти полтора года назад Саймон Келлехер устроил спектакль из собственной смерти, да так, что подозрения пали на мою сестру, Купера, Эдди и Нейта. На День благодарения телешоу «Следствие ведет Мигель Пауэрс» показало специальный репортаж, восстановив события во всех ужасных деталях — от хитрости, позволившей

оставить всех нас после уроков, до разоблачения наших тайн в приложении «Про Это» с целью создать впечатление, что у каждого из четверки есть причина желать смерти Саймона.

Мы с Бронвин смотрели репортаж вместе, когда она приезжала домой на выходные. Я будто перенеслась на год назад, когда произошедшее стало событием национального масштаба и у нашего дома каждый день дежурили телевизионщики. Всей стране стало известно, что Бронвин украла результаты тестов по химии и получила оценку «А», что Нейт продавал наркотики, находясь на испытательном сроке за *продажу наркотиков*, что Эдди изменила своему бойфренду Джейку, который оказался таким законченным подонком, что согласился стать сообщником Саймона. А на Купера сначала повесили ложное обвинение в употреблении стероидов, а затем разоблачили как гея, когда он еще не был готов открыться своей семье и друзьям.

Но весь этот кошмар не мог сравниться с подозрением в убийстве.

Следствие почти что пошло по разработанному Саймоном плану, вот только Бронвин, Купер, Эдди и Нейт объединились, вместо того чтобы топить друг друга. А если бы они поступили иначе? Сомневаюсь, чтобы Купер стал героем в своей первой игре за колледж; Бронвин вряд ли поступила бы в Йель; Нейт, вероятно, угодил за решетку, а Эдди... Даже думать не хочется, что стало бы с ней. Потому что ее могло вообще не быть на свете.

Я вздрагиваю. Луис ловит мой взгляд и решительно поднимает стакан, чтобы не позволить испортить триумф своего лучшего друга.

— Ну, за судьбу? За Купера! За то, что надрал всем задницы в первой же игре!

— За Купера! — подхватывают остальные.

— Мы собираемся съездить к нему! — Эдди тянет через стол и хлопает Нейта по плечу — он уже начал прикидывать, как побыстрее смыться. — Тебя это тоже касается.

— Вся наша бейсбольная команда поедет, — добавляет Луис.

Нейт покорно кивает. Эдди — это стихийное бедствие; если задумала что-то, ее не остановить.

Фиби пересаживается поближе к нам с Ноксом — игра затягивается, остальные разбрелись по залу — и наливает себе воды.

— Вам не кажется, что Бэйвью без Саймона стал другим... и в то же время *остался прежним*? — говорит она так тихо, что слышим только мы с Ноксом. — Хотя люди оправились от шока, лучше не стали. Разве что мы больше не читаем «Про Это» и не следим, кто что натворил за последнюю неделю.

Некоторое время после смерти Саймона сайты-двойники появлялись, как грибы после дождя. Большинство из них сами собой загнулись через несколько дней, хотя один, под названием «Саймон говорит», прошлой осенью продержался почти месяц, пока не вмешалось руководство школы и не прикрыло его. Впрочем, этот сайт никто не принимал всерьез, поскольку его создатель — один из тихонь, с которым другие не общались, — не смог запостить ни одной новой сплетни.

Вот в чем феномен Саймона Келлехера: он знал о людях такое, чего никто и вообразить не мог. И никогда не спешил, стараясь обострить любую ситуацию и причинить максимум боли. А еще Саймон умело скрывал свою ненависть ко всем в «Бэйвью-Хай»; единственным местом, где он позволял себе выговориться, был форум «Я мститель» — тот самый, который я отыскала в попытках разгадать тайну его смерти.

Тогда меня буквально тошнило от постов Саймона. До сих пор иногда дрожь берет от мысли — как мало понимал любой из нас, что значит противостоять такому блестящему уму.

События могли бы принять совсем другой оборот.

— Эй! — Нокс толкает меня, возвращая к реальности. Мы так и сидим втроем, вспоминая Саймона; я и не думала, что мои одноклассники до сих пор под впечатлением тех событий. — Не переживай. Все в прошлом.

— Ты прав, — соглашаюсь я.

Внезапно собравшиеся в кафе разом издают громкий стон. Лишь через минуту я осознаю смысл происходящего, и мое сердце падает: запасной питчер в конце девятого иннинга позволил команде противника оккупировать все три базы, счет сравнялся, и новый питчер сдал игру. «Титаны» за одну пробежку лишились всего, что завоевали за три. Команда противника сбегается на домашнюю базу обнимать хиттера, пока не образуется куча мала. Купер, несмотря на свою божественную игру, не получит награду.

— Не-е-е-ет! — стонет Луис, уронив голову на руки. — Продули, мать вашу! Позор!

Фиби вздрагивает.

— Как же не повезло... Но Купер не виноват!

Я ищу глазами единственного человека за столом, на которого могу рассчитывать, — то есть Нейта. Вот кто знает, что мне нужно. Он переводит взгляд с моего напряженного лица на рассыпанную по столу соль, будто знает о тайном пари, которое я заключила сама с собой. И я могу прочесть его мимику так безошибочно, будто он говорит вслух.

Не придавай значения, Мейв. Это всего лишь игра.

Он прав, разумеется. И все же, все же... Я так желала Куперу победы!

Глава 2

Фиги

Вторник, 18 февраля

Конечно, я понимаю, что мама не играет в куклы. Но сейчас утро, я еще толком не проснулась и не успела надеть контактные линзы. Поэтому, вместо того чтобы сощуриться, я наклоняюсь над кухонным столом и спрашиваю:

— Что это у нас за игрушки?

— Фигурки на свадебный торт, — отвечает мама, забирая одну из кукол у моего двенадцатилетнего брата Оуэна.

Я подношу ее поближе к глазам. Ого! Невеста, вся в белом, обхватила ногами талию жениха. А сколько вожделения некий непризнанный художник умудрился запечатлеть на лицах крошечных фигурок!

— Классно! — Как я сразу не догадалась, что все это свадебные аксессуары! На прошлой неделе наша кухня была завалена образцами приглашений, а до того авторскими цветочными композициями, которые обычно ставятся в центре стола.

— В коллекции всего одна в таком духе, — говорит мама, как бы оправдываясь. — Я считаю, нужно ориентироваться на вкусы потребителей, а вкусы бывают разные. Можешь положить фигурку обратно? — Она кивком показывает на картонную коробку, наполненную обрезками застывшей монтажной пены.

Я опускаю сладкую парочку внутрь, затем беру из шкафчика возле раковины стакан, наливаю воды из крана и с жадностью выпиваю.

— А что, люди до сих пор ставят такое на торты?

— Это образцы, из «Голден рингс», — говорит мама. С тех пор как она начала работать в агентстве

по организации свадеб, коробки с подобным барахлом появляются в нашей квартире каждые несколько недель. Мама делает фото, отмечает, что ей нравится, а затем снова упаковывает и отправляет своим коллегам. — Некоторые из них просто прелесть! — Она показывает другую фигурку — силуэты жениха и невесты, кружащихся в вальсе. — Как тебе?

Я достаю две последние вафли из открытой пачки «Эгго» и запихиваю в тостер.

— По-моему, такие штуки не в стиле Эштон и Эли. Они смотрят на жизнь проще.

— Порой некоторые не знают, чего хотят, пока сами не увидят, — настаивает мама. — Моя работа отчасти в том и заключается, чтобы открыть людям глаза, убедить попробовать что-то новое.

Бедная Эштон!.. Мы познакомились со старшей сестрой Эдди прошлым летом, когда переехали сюда. Эштон — просто золотая соседка: всегда подскажет, какую готовую еду выбрать, какая стиральная машина не глотает монетки, а еще она приносит нам билеты на концерты — работает художником-оформителем в Калифорнийском центре искусств. Эштон понятия не имеет, на что подписалась, согласившись помочь маме подзаработать на оказании дополнительных услуг. Всего-то добавить «несколько деталей» для ее будущей свадьбы с Эли Кляйнфельтером!

Мама несколько увлеклась и вышла за рамки. Ей хочется произвести хорошее впечатление, тем более что Эли стал популярной в городе фигурой. Он тот самый адвокат, который защищал Нейта Маколи, ложно обвиненного в убийстве Саймона Келлехера, и теперь частенько дает интервью в связи с тем или иным громким делом. Пресса ухватила за тот факт, что Эли женится на сестре девушки из знаменитой Четверки, и много пишет о его предстоящей свадьбе.

Для мамы это означает бесплатную рекламу, включая упоминание в «Сан-Диего трибюн» и расширенную публикацию в декабрьском номере «Бэйвью блейд», которая после разоблачения Саймона превратилась в рассадник сплетен. Разумеется, там подали информацию под максимально драматичным заголовком: «После невосполнимой потери вдова занялась развлекательным бизнесом».

А ведь нам и без их напоминаний приходится несладко!

Тем не менее мама уже вложила в подготовку к свадьбе больше энергии, чем во все остальные проекты, которыми занималась в последние годы, и я должна быть благодарна Эштон и Эли за их безграничное терпение.

— У тебя завтрак горит, — невозмутимо объявляет Оуэн с набитым ртом.

— Черт! — Я выхватываю вафли и вскрикиваю от боли, коснувшись пальцами горячего металла. — Мам, может, все-таки купим новый тостер? Этот уже совсем не годен. Раскаляется докрасна за полминуты.

Мама сдвигает брови и принимает озабоченный вид — как всегда, стоит кому-то из нас упомянуть о денежных расходах.

— Знаю. Но может, сначала попробовать почистить старый? Представляете, сколько хлебных крошек скопилось внутри за десять лет?

— Я почищу, — вызывается Оуэн, поправляя очки. — А если не поможет, разберу на части. Клянусь, я сумею!

Я рассеянно улыбаюсь ему.

— Не сомневаюсь, умник. Как я раньше не догадалась тебя попросить?

— Оуэн, я не хочу, чтобы ты играл с электричеством, — протестует мама.

— Я не собираюсь *играть!* — обижается брат.

Хлопает дверь; моя старшая сестра Эмма выплывает из нашей комнаты и направляется в кухню. Вот к чему я никогда не привыкну в этой квартире: здесь один-единственный этаж, и всегда знаешь, кто где в данный момент находится. Не то что в нашем прежнем доме — у каждого была отдельная спальня, а еще общая гостиная, и кабинет, который в конце концов превратился в игровую комнату для Оуэна, и папина мастерская на цокольном этаже...

Плюс к тому у нас был папа.

Эмма натывается взглядом на пластиковые фигурки в свадебных нарядах, загромоздивших кухонный стол.

— Люди до сих пор ставят такое на торты?

— Твоя сестра задала тот же вопрос, — говорит мама. Она постоянно выискивает в нас с Эммой похожие черты, будто каждое лишнее напоминание каким-то образом вернет нам былые сестринские чувства.

Эмма бормочет что-то и подходит ближе, но я сижу, по-прежнему уставившись на свой завтрак.

— Ты могла бы пропустить меня? — вежливо спрашивает она. — Мне нужен блендер.

Я сдвигаюсь в сторону. Оуэн выхватывает со стола фигурку невесты с ярко-рыжими волосами.

— Эмма, смотри, вылитая ты!

У всех нас рыжие волосы, но в разных оттенках: у Эммы золотисто-каштановые, у меня бронзовые с медным отливом, а Оуэн — рыжеватый блондин. Но вот уж кто действительно выделялся в толпе своей шевелюрой апельсинового цвета, так это наш отец. В старших классах у него даже было прозвище Чито. Как-то мы вместе пошли в фуд-корт в нашем молле, и отец отлучился в туалет, а когда вернулся, то обна-

ружил, что пожилая пара с подозрением изучает мою темноволосую смуглую маму и ее троих рыжих и светлокожих детей. Папа положил маме руки на плечи и объявил, широко улыбаясь:

— Видите? Мы одна семья!

А кто мы теперь, спустя три года после его смерти? Каждый сам по себе.

Если меня спросить, в какое время дня моя сестра чаще всего не в духе, я бы затруднилась ответить. С недавних пор Эмма вообще мало чему радуется. Однако по утрам мы подвозим в школу мою подругу Джулс, и эти четверть часа однозначно попадают в первую тройку.

— Я в шоке! — Джулс, запыхавшись, забирается на заднее сиденье нашей старенькой «Королеы» и сбрасывает рюкзак. Я поворачиваюсь к ней, и подруга срывает солнечные очки, устремив на меня полный презрения взгляд. — Фиби, это некрасиво!

— Что? Почему? — недоуменно спрашиваю я и начинаю ерзать на сиденье, поправляя перекосившуюся юбку. Годы проб и ошибок не прошли даром — я наконец подобрала для себя гардероб, наиболее подходящий для фигуры: короткая пышная юбка, желательно с ярким крупным рисунком; топ насыщенного цвета с V-образным вырезом или с глубоким декольте; ботильоны на наборном каблуке.

— Пристегнись, пожалуйста, — напоминает Эмма.

Джулс защелкивает ремень, по-прежнему свирепо глядя на меня.

— Сама знаешь.

— Понятия не имею.

Эмма отъезжает от бордюра. Джулс живет в довольно скромном разноуровневом доме, всего в одном

квартале от нашего старого жилища. Наши прежние соседи, по большому счету, не из самых состоятельных жителей Бэйвью, однако молодожены, которым мама продала дом, были в восторге от того, что именно здесь начнут совместную жизнь.

Джулс трагически широко распахивает зеленые глаза, особенно выразительные на фоне ее смуглой кожи и темных волос.

— Нейт Маколи был вчера в «Контиго», а ты мне даже сообщения не послала!

— Ах, вот ты о чем... — Я включаю радио погромче, и мою невнятную реплику заглушает последний хит Тейлор Свифт.

Джулс всегда питала слабость к Нейту — она вообще имеет привычку западать на красивых хулиганистых парней, — однако никогда не рассматривала его как потенциального бойфренда, пока с ним не начала встречаться Бронвин Рохас. Теперь она, как стертвятик, нарезает круги над Нейтом, а у меня возник «конфликт лояльности», потому что с самого начала работы в кафе я подружилась с Эдди, которая, само собой, состоит в команде Бронвин.

— Он *никогда* нигде не тусуется, — стонет Джулс. — Черт, я такую возможность упустила!.. И ты еще называешься подругой, Фиби-Джиби! Это нечестно! — Она достает блеск для губ с винным оттенком и подается вперед, чтобы лучше рассмотреть себя в зеркале заднего вида. — Ты его видела. Как считаешь, у них с Бронвин все?

— Похоже на то. А вообще трудно сказать. Он ни с кем толком не общался, кроме Мейв и Эдди. В основном с Эдди.

Джулс поджимает губы с выражением легкой паники.

— Ужас! Ты думаешь, они теперь *пара*?

— Нет. Быть того не может. Они просто друзья. Джулс, не каждая девчонка считает Нейта неотразимым.

Подруга опускает блеск для губ в сумку и со вздохом поворачивается к окну.

— Ты-то откуда знаешь? Он такой горячий, я просто умираю.

Эмма останавливается на светофоре, трет глаза и протягивает руку к радиоприемнику.

— Я убавлю громкость. Голова раскалывается.

— Плохо себя чувствуешь? — спрашиваю я.

— Просто устала. Вчера допоздна занималась репетиторством с Шоном Мердоком.

— Неудивительно, — говорю я себе под нос. Если задаться целью найти представителей разумной жизни в предпоследнем классе «Бэйвью-Хай», Шона Мердока среди них не окажется. Зато у его родителей есть деньги, и они охотно платят Эмме за услуги репетитора — а вдруг ее трудолюбие или отличные оценки каким-то образом передадутся Шону?

— Эмма, а может, и мне нанять тебя? — размышляет Джулс. — С химией в этом семестре полный завал. Что делать, ума не приложу. Разве что украсть результаты тестов, как Бронвин Рохас.

— Бронвин пришлось все пересдавать, — напоминаю я.

— Не защищай ее! — Джулс, надув губы, пинает ногой мое сиденье. — Она разрушила мою любовь.

— Если ты серьезно насчет репетиторства, у меня в расписании есть окно в эти выходные, — предлагает Эмма.

— Химия в выходные? — с возмущением восклицает Джулс. — Нет уж, спасибо.

— Как скажешь, — выдыхает сестра с некоторым облегчением, будто ничего другого от Джулс и не ожидала. — Мое дело предложить.

Эмма всего на год старше меня и Джулс, но часто кажется ближе по возрасту к Эштон Прентис, чем к нам. Сестре никто не даст ее семнадцати лет; Эмма ведет себя так, будто ей двадцать пять и она учится не в выпускном классе, а готовится получать диплом магистра. Даже сейчас, когда заявления о приеме в колледж отправлены и остается лишь ждать ответа, не может расслабиться.

Остаток пути мы молчим. Едва Эмма сворачивает на парковку, на мой телефон приходит сообщение: *Встретимся под трибунами?*

Нет. Я опаздываю! И хотя мозг напоминает, что в этом месяце я получила два последних предупреждения, пальцы все равно печатают: *ОК*. Я засовываю телефон в карман и толкаю пассажирскую дверь еще до остановки машины. Сестра удивленно приподнимает брови.

— Мне нужно заскочить на футбольное поле.

Я закидываю рюкзак на плечо, не отпуская ручку двери.

— Зачем? Тебе нельзя больше опаздывать, — говорит Эмма, прищурив светло-карие глаза. Такие же, как у папы. Наряду с рыжими волосами это единственное, что у нас с ней общее. Сестра высокая и худая, а я маленькая и с пышными формами. У нее прямые волосы до плеч, у меня длинные и вьющиеся. На солнце она покрывается веснушками, а я — ровным загаром. Однако сейчас, в феврале, у обеих бледная кожа; я чувствую, как невольно краснею, и опускаю голову.

— Э-э... насчет домашнего задания...

Джулс выходит из машины и хихикает.

— Теперь это так называется?

Я разворачиваюсь на каблуках и поспешно ретируюсь, спиной чувствуя осуждающий взгляд сестры — словно тяжелая накидка повисла на плечах.

Эмма всегда считалась серьезнее меня. Мы были с ней так близки, что даже приучились вести разговоры без слов. Мама в шутку называла нас телепатками. Мы знали друг друга настолько хорошо, что могли читать мысли по выражению лица.

Несмотря на разницу в возрасте, с Оуэном мы тоже были близки. Папа часто называл нас троих «Амиго». На всех детских фото Амиго позировали одинаково: Оуэн в центре, а мы с Эммой по бокам от него, сцепив руки и широко улыбаясь. Как неразлучная троица! Тогда я верила, что мы и правда неразлучны. В голову не приходило, что только папа был связующим звеном.

Мы начали отдаляться друг от друга постепенно, и сначала я ничего не заметила. Первой откололась Эмма, зарывшись с головой в учебу. «У нее свой способ переживать», — говорила мама, и я не трогала сестру, хотя мне-то хотелось переживать вместе! Пришлось искать замену — удариться в общественные дела и проводить больше времени вне дома, особенно когда мной начали интересоваться молодые люди, в то время как Оуэн нашел утешение в видеоиграх и ушел в мир фантазий. На фото с прошлого Рождества мы стоим втроем под елкой с натянутыми улыбками, выстроившись по росту и вытянув руки по швам. Представляю, как огорчился бы папа.

А еще больше он огорчился бы, узнав, что случилось после, на вечеринке у Джулс. Вести себя со старшей сестрой как чужой человек — одно дело, а натворить то, что натворила я... совсем другое. И если раньше я чувствовала тягостное одиночество, когда думала об Эмме, то теперь лишь вину. А еще облегчение — от того, что она больше не способна читать мои мысли по лицу.

— Привет! — Погрузившись в размышления, я не замечаю, что иду прямо навстречу столбу — еще немного, и могла бы лоб расшибить, но меня вовремя останавливают. А затем хватают и резко тянут вперед, так что телефон вываливается из кармана и с глухим стуком падает в траву.

— Черт... — начинаю я.

Брэндон Уэбер впивается губами в мои и не дает произнести больше ни слова. Я двигаю плечами из стороны в сторону, пока рюкзак не оказывается на земле рядом с телефоном. Брэндон выдергивает мою блузку из-под пояса юбки, и поскольку на сто процентов ясно, зачем мы встретились, я в процессе помогаю ему.

Брэндон скользит ладонями вверх по моей обнаженной коже и забирается под бюстгальтер.

— Ты такая сексуальная...

Он тоже. Брэндон — куортербек футбольной команды; газетенка «Бэйвью блейд» любит называть его «новый Купер Клей». Играет достаточно сильно, и колледжи уже положили на него глаз. Однако, по-моему, сравнение неуместное. Во-первых, Купер — игрок более высокого уровня, а во-вторых, парень что надо. А Брэндон, по правде говоря, тот еще типчик.

Хотя целоваться умеет. Стоит ему прижать меня к столбу, как все напряжение исчезает и по телу от предвкушения удовольствия пробегают искры. Я обнимаю его за шею одной рукой, пытаюсь заставить наклониться ближе ко мне, а другой тереблю ремень джинсов. Но тут нога на что-то наталкивается, и рингтон текстового сообщения возвращает меня к реальности.

— Мой телефон... — Я отстраняюсь от Брэндона. — Мы его сейчас раздавим.

— Я тебе новый куплю. — Он касается языком моего уха, что мне категорически не нравится. И почему парни вбили себе в голову, что это возбуждает? Я начинаю вырываться; Брэндон нехотя отпускает меня. Тут и из его кармана раздаётся позвякивание, и я замечаю, что джинсы моего бойфренда выпячиваются спереди. Я поднимаю телефон, с усмешкой спрашивая:

— Это сообщение или ты так рад меня видеть? — Затем снимаю блокировку экрана... и воздух выходит у меня из легких. — Это что, шутка? Опять?

— Ты о чем? — Брэндон лезет в карман.

— Сообщение с неизвестного номера. И знаешь, что пишут? — Я читаю с выражением: — *«Вы тоже соскучились по блогу Саймона «Про Это»? Как я вас понимаю! Начнем новую игру?»* Не могу поверить, чтобы кто-то запустил эту хрень после предупреждения директора Гупты!

Брэндон пробегает глазами по экрану своего телефона.

— У меня то же самое. Видишь ссылку?

— Ага. Не открывай! Вдруг там вирус или...

— Поздно, — смеется Брэндон. Он читает, прищурившись, а я рассматриваю его, глядя снизу вверх: рост больше шести футов, русые волосы, глаза голубые с зеленоватым отливом, а губы... м-м... настолько полные, что за них любая девушка убить может. Он фантастически красив, кажется — возьмет и исчезнет в любой момент, улетит с дуновением ветра... И он знает об этом, как никто другой. — Ни фиги себе, тут целый трактат.

— Дай взгляну. — Я выхватываю у него телефон. На своем я эту ссылку открывать не намерена. Поворачиваю экран от солнца, чтобы лучше разглядеть.

Вебсайт — убогая копия «Про Это», с похожим лого-типом. Ниже большой текст:

Внимание, «Бэйвью-Хай»! Сначала я объясню вам правила. Наша игра называется «Правда или Вызов». Я отправляю приглашение одному из вас — и если это ты, НИКОМУ не рассказывай! В игре должен быть элемент неожиданности. Не надо спойлерить — это меня огорчает. А когда я огорчаюсь, добра не ждите. Итак, у тебя есть 24 часа, чтобы сделать выбор. Если ты выбираешь Правду, я раскрываю один из твоих секретов. Если принимаешь Вызов, я даю тебе задание. В любом случае мы немного развлечемся и внесем разнообразие в наше унылое существование.

Брэндон приглашает свои шикарные густые волосы.

— Твое, может, и унылое. А за нас не решай, лузер. Я хмурюсь.

— Как думаешь, он разослал это каждому? Все будут молчать, если не хотят лишиться телефонов. — Прешлой осенью директор Гупта прикрыла последний сайт-двойник и объявила, что отныне вводится политика нулевой толерантности: если она увидит хоть один намек на очередной блог «Про Это», навсегда запретит пользование телефонами в школе. И любой, кто попадется, будет исключен.

С того момента мы стали образцовыми гражданами — по крайней мере, больше не распространяем сплетни в онлайн. Ведь никто и помыслить не может, как обойтись в школе без телефона хотя бы один день — не говоря уж про *годы!*

— Да наплевать. Этим секретам сто лет в обед, — небрежно бросает Брэндон и кладет трубку в карман. Затем обнимает меня за талию и привлекает к себе. — Так на чем мы остановились?

Ответить я не успеваю. Мой телефон, прижатый к груди Брэндона, издает рингтон. Я откидываю голову назад, чтобы посмотреть на экран. Снова сообщение от неизвестного абонента. Хотя из кармана Брэндона не доносится ни звука.

Фиби Лоутон, ты первая! Выбор за тобой: или я раскрываю Правду, или ты принимаешь Вызов.

Глава 3

Нокс

Среда, 19 февраля

Я смотрю на стойки с одеждой в отделе распродаж с экзистенциальным ужасом. Ненавижу торговые центры. Слишком светло, слишком шумно, слишком много никому не нужного барахла. Когда приходится здесь бывать, я начинаю думать, что культура потребления есть не что иное, как затяжное помрачение рассудка, убивающее планету, и вообще все мы рано или поздно умрем. А пока что залпом допиваю свой кофе со льдом за шесть долларов, потому что я и сам добровольный участник этого фарса, и как раз подходит моя очередь.

— С вас сорок два шестьдесят, молодой человек, — говорит женщина за кассой.

Я покупаю новый кошелек для мамы. Надеюсь, ей понравится. Потому что хотя я и получил исчерпывающие письменные указания, но так и не могу понять, чем эта вещь отличается от десятка других подобных черных кошельков. Я слишком долго выбирал, и теперь опаздываю на работу.

Впрочем, наверное, это не имеет значения, поскольку я работаю в качестве стажера у Эли Кляйн-

фельтера бесплатно. По правде говоря, Эли меня обычно и вовсе не замечает. Тем не менее я ускоряю шаг. За зданием молла тротуар постепенно сужается и, наконец, совсем сходит на нет. Я воровато озираюсь по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии свидетелей, и подхожу ближе к хилому забору из металлической сетки, окружающему заброшенную стройплощадку.

Здесь планировали возвести новый подземный гараж, для чего потребовалось частично скрыть холм позади молла, но фирма-подрядчик обанкротилась вскоре после начала работ. Несколько других строительных компаний, включая фирму моего отца, претендуют на то, чтобы перехватить подряд. А пока недострой перекрывает путь от молла к «Бэйвью-центру», и люди вынуждены огибать здание и в обход добираться до главной улицы, а это занимает в десять раз больше времени.

Впрочем, никому не возбраняется последовать моему примеру.

Я пролезаю через огромную дыру в заборе, минуя ряд оранжево-белых цилиндров ограждения и вот уже смотрю сверху вниз на частично построенный гараж и то, что должно было стать его крышей. Временным покрытием служит плотный тарпаулин, и лишь с одной стороны гаража сделан настил из досок, к которому приставлены металлические лестницы, ведущие к еще не скрытой части холма.

Не знаю, кому в «Бэйвью-Хай» первому пришла в голову светлая мысль совершить прыжок на настил с высоты в пять футов, но теперь короткий путь от молла в центр известен всем. Я прекрасно понимаю, что отец *убил* бы меня за такое. Однако сейчас его здесь нет. А если бы даже и был, разницы никакой. Он обращает на меня не больше внимания, чем Эли

Кляйнфельтер. Так что я крепко обхватываю один из цилиндров и смотрю вниз.

Не то чтобы я боюсь высоты. Скорее предпочитаю чувствовать под ногами надежную опору. Прошлым летом я играл Питера Пэна в театрализованном представлении и не на шутку перепугался, когда потребовалось кружить над сценой на перекинутом через блок канате. Тогда меня едва смогли поднять на два фута. «Ты не летаешь, Нокс, ты в лучшем случае перебираешь ногами», — ворчал режиссер всякий раз, когда я прошмыгивал мимо.

Не отрицаю, я боюсь высоты. Но пытаюсь преодолеть себя. Смотрю на доски, и кажется, что до них футов двадцать. Может, кто-то опустил крышу пониже?

— Сегодня замечательный день, чтобы умереть. Для любого, кроме меня, — шепчу я слова прославленного охотника за сокровищами Дакса Рипера из «Баунти уорс». Да уж, единственный способ добавить пафоса своему жалкому мандражу — это цитировать персонажа видеоигры.

Нет, не могу. На настоящий прыжок я не отважусь. Сажусь на край, зажмуриваю глаза, отталкиваюсь и трусливо соскальзываю вниз. Приземление выходит крайне неуклюжим. Я спотыкаюсь о неровный настил и чуть не падаю. Спортсмен из меня неважный.

Ковыляю к лестницам и спускаюсь вниз. Ступени угрожающе лязгают под каждым моим шагом. И лишь почувствовав под ногами твердую землю, я с облегчением выдыхаю. Осталось пройти вдоль склона холма к забору, через который раньше приходилось перелезть, пока кто-то не догадался сделать пролом. Протиснувшись в узкую щель, я попадаю в небольшой скверик. Автобус номер одиннадцать уже стоит напротив мэрии с работающим мотором. Я рысью пере-

бегаю улицу и успеваю запрыгнуть в него в последний момент.

Уф, целую минуту сэкономил! Может, все-таки успею на работу вовремя. Я оплачиваю проезд, сажусь на одно из последних свободных мест и достаю из кармана телефон.

В этот момент рядом кто-то фыркает:

— У вас теперь эти штуки прямо из рук растут, что ли? Мой внук такой же. В прошлый раз обедали вместе, я ему говорю — положи ты свою игрушку, хоть поешь спокойно. А он как завопит — можно было подумать, я над ним издеваюсь, причем с особой жестокостью!

Я оборачиваюсь и вижу пару выцветших голубых глаз за бифокальными стеклами. Ну вот, опять! Как всегда: сто́ит в любом общественном месте какой-нибудь старухе оказаться рядом, так она немедленно заводит со мной разговор. Мейв даже название придумала: «Фактор приятного молодого человека». «У тебя лицо соответствующее. Они считают, что ты не в состоянии нагрубить».

А я окрестил это «проклятием Нокса Майерса»: для бабушек старше восьмидесяти неотразимый, для девушек моего возраста невидимый. Когда мы смотрели в кафе «Контиго» открытие сезона в Фуллертоне, Фиби Лоутон буквально споткнулась об меня, бросившись к явившемуся прямо перед закрытием Брэндону Уэберу.

Я продолжаю копаться в телефоне, притворяясь, будто ничего не слышу. Брэндон обычно поступает именно так. «Что сделал бы Брэндон» — еще одна жуткая мантра на всю мою оставшуюся жизнь, потому что Брэндон — паразит, пустое место, который прет по жизни благодаря своим красивым волосам, идеальным чертам лица и умению лихо подавать крученный

мяч. Вот он добьется всего, чего хочет, и никогда не позволит старухам в автобусе втягивать себя в разговоры на щекотливые темы.

Ладно. Избирательная потеря слуха на ближайшие пятнадцать минут — вот что меня спасет. Однако неожиданно для себя я заявляю:

— Этому явлению уже и название подобрали. Номофобия. Страх остаться без телефона.

— Неужели? — переспрашивает старуха.

Что ж, я опять это сделал. И ворота разверзаются. За недолгую поездку я узнаю все о шести внуках старушечки и подробностях ее операции по замене тазобедренного сустава. И только выйдя из автобуса в квартале от офиса Эли, заглядываю наконец в телефон, чтобы получить самую насущную на текущий момент информацию — то есть проверить, не появилось ли новое сообщение от инкогнито, который вчера разослал всем правила игры «Правда или Вызов».

По правде говоря, глаза б мои на них не смотрели. И наверное, все в «Бэйвью-Хай» со мной согласятся. Но что делать? Мы патологически очарованы подобными вещами. После того что случилось с Саймоном, нездоровое любопытство внедрилось в наше коллективное ДНК. Вот и вчера вечером на репетиции — вместо того чтобы определяться с трактовкой ролей, мы отвлекались, стараясь вычислить инкогнито.

Хотя все это вполне может оказаться шуткой. В четыре часа, когда я толкаю дверь здания, в котором находится офис «Пока Не Будет Доказано», срок отправки ответа первого игрока, кем бы он ни был, давно истек, однако последний эпигон Саймона хранит молчание.

Я прохожу мимо кафе в вестибюле и на лифте поднимаюсь на третий этаж. «Пока Не Будет Доказано»

располагается в дальнем конце узкого коридора, рядом со входом в клинику восстановления волос, которая воняет химией на весь холл. Оттуда как раз выходит соответствующий субъект — по лысине хаотично раскиданы жидкие пучки волос — и проскальзывает мимо, опустив взгляд, будто его застукали за покупкой порно.

Я распахиваю дверь в офис и попадаю в гудящий улей — слишком много людей работают в небольшом помещении, и все они говорят одновременно.

— Сколько приговоров вынесено?

— Нам известно о двенадцати, скорее всего больше.

— Кто-нибудь перезвонил на Седьмой канал?

— Через полтора года освободили, а затем снова взяли.

— Нокс! — Ко мне подлетает Сандип Гхай, выпускник Гарварда, работающий у Эли с прошлой осени. В руках у него целая кипа красных папок — только нос торчит. — На ловца и зверь! Нужно заполнить и подготовить к отправке сорок писем для работодателей. Сегодня. Образец в верхней папке, список адресов там же. Успеешь к пятичасовой почте?

— Сорок? — Я принимаю у него кипу, округлив глаза. «Пока Не Будет Доказано» не только защищает тех, кого Эли и его сотрудники посчитали несправедливо обвиненными, им еще и помогают найти работу после освобождения. Время от времени мне приходится рассылать массу резюме и сопроводительных писем, рассказывающих о том, какую пользу бизнесу принесет наем *реабилитантов*, как их называет Эли. Впрочем, хорошо, если за неделю хоть одна местная фирма заинтересуется. — А почему так много?

— Дело д'Агостиньо — бесплатная реклама, — отвечает Сандип. Как будто мне это что-то говорит! Заметив мое недоумение, он добавляет: — Когда есть

шанс попиариться, всякий готов причислить себя к «сознательной общественности».

Кажется, теперь я понимаю. Эли стал звездой всех новостных программ, когда доказал, что большую группу людей, получивших срок за хранение наркотиков, на самом деле лишили свободы незаконно — они стали жертвами сфабрикованных обвинений со стороны сержанта полиции Сан-Диего Карла д'Агостиньо и двух его подчиненных. Сейчас все трое сами находятся за решеткой в ожидании суда, и «Пока Не Будет Доказано» работает над тем, чтобы их осудили по полной программе.

Последний раз такого внимания прессы Эли удастилався во время расследования дела Саймона Келлехера. Тогда Эли вытащил Нейта Маколи из тюрьмы и стал главным персонажем каждого выпуска новостей. А через несколько недель фирма моего отца наняла Нейта на работу. Он трудится там до сих пор, и работодатель даже оплачивает ему учебу в колледже.

Когда Бронвин Рохас уехала в Йель и «Пока Не Будет Доказано» начала подыскивать нового стажера из числа старшеклассников, я подумал, что за это возьмется ее сестра. Мейв дружит с Эли, да к тому же в основном благодаря ей был разоблачен замысел Саймона, которого так и считали бы невинной жертвой, если бы Мейв не отследила, под какой маской он скрывался в Сети.

Однако Мейв отказалась.

— Эта работа по душе Бронвин, но не мне, — объявила она тоном, не допускающим возражений.

Так я и устроился сюда. Отчасти — потому что интересно, а кроме того, я, как правило, не упускаю возможностей подработать. Отец, который всем уже уши прожужжал, что Нейт «мировой парень», даже ни разу

не удосужился спросить, хочу ли я попробовать свои силы в «Майерс констракшн».

Честно говоря, меня воротит от всего, что связано с техникой и различными инструментами. Однажды вешал картину и разможил себе молотком палец, да так, что пришлось вызывать «неотложку». Но все же — он мог хотя бы спросить?

— К пяти часам, — повторяет Сандип, тыча в меня пальцем. — Так я на тебя рассчитываю?

— А как же, — отвечаю я, озираясь в поисках свободного места, и наталкиваюсь взглядом на Эли. Он единственный в фирме, кто занимает отдельный стол, вечно заставленный штабелями папок. Когда наклоняется, чтобы поговорить по телефону, видна только голова с прической а-ля «чокнутый профессор». Не иначе как чудо — стол позади Эли не занят!

Я направляюсь туда. А вдруг выпадет шанс поговорить с боссом? Эли меня восхищает, и не только своим невероятным профессионализмом; встретив такого парня на улице, запоминаешь с первого раза. Он очень уверенный в себе человек и... не знаю, как выразиться... обладает особым магнетизмом. Проработав с ним несколько месяцев, я уже не удивляюсь, что у него такая потрясающая невеста и что он мастерски умеет общаться с замешанными в криминале людьми; мало того, они сами выбалтывают ему все что угодно. Вот бы научил меня своим приемам!

Однако для начала неплохо, если Эли хотя бы запомнит мое имя.

Не успеваю я дойти до стола, как Сандип выкрикивает:

— Эли! Зайди в Винтерфелл, ты нам нужен!

Эли откатывается на кресле и выглядывает из-за папок.

— Куда?

— В Винтерфелл, — нетерпеливо повторяет Сандип. Эли все еще недоумевает, и я решаюсь:

— Это малый конференц-зал. Припоминаете? Сандип придумал, чтобы было удобнее различать. А второй конференц-зал у нас теперь Королевская Гавань.

Сандип, как и я, большой фанат «Игры престолов» и позаимствовал оттуда названия для помещений. Впрочем, Эли таких книг не читает и ни одной серии фильма не смотрел, поэтому буквально впал в ступор.

— Ах да, спасибо, — рассеянно кивает он мне и поворачивается к Сандипу. — Разве трудно было сказать «малый конференц-зал»?

— Зайди в Винтерфелл, ты нам нужен! — повторяет Сандип, теряя терпение. Эли со вздохом встает и уходит. Я ухмыляюсь. Уже прогресс!

Раскладываю на пустом столе папки, рядом кладу телефон и начинаю заполнять адреса. Но едва успеваю взяться за дело, как телефон выдает целый залп сообщений — естественно, от сестер. У меня четыре старших сестры, и у всех имена на букву К: Кирстен, Кэти, Келси и Кара. Мы как семейство Кардашьян, разве что без миллионов.

Сейчас сестры, как у них заведено, создадут групповой чат и пустятся в треп сразу обо всем и ни о чем. Дни рождения, телешоу, теперешние и бывшие бойфренды и герлфренды... А еще частенько предметом обсуждения становлюсь я. И когда все четверо одновременно волнуются по поводу моей личной жизни и планов на будущее, начинается суший кошмар. *Нокс, что у тебя произошло с Мейв? Такая чудесная девушка! Нокс, кто будет твоей парой на балу? Нокс, ты уже думаешь о колледже? Последний школьный год не за горами!*

Но на этот раз тема одна: неожиданная помолвка Кэти на День святого Валентина. Она первая из сестер

Майерс выходит замуж. Это же ужас сколько всего надо обсудить!

К тому времени как я успеваю обработать половину корреспонденции, сестры постепенно закругляются. Но тут приходит еще одно сообщение. Я бросаю взгляд на экран — наверняка Кирстен, она всегда оставляет за собой последнее слово, — однако на этот раз абонент неизвестен.

Увы, от нашего первого игрока нет ответа. А значит, пришел час расплаты.

Фиби Лоутон, ты не оправдала моих надежд. Очень прискорбно.

Теперь мне придется раскрыть одну из твоих тайн. В подлинном стиле «Про Это».

Черт, все-таки случилось! Хотя, может, дела обстоят не так уж и плохо? Саймон никогда не выбирал Фиби героиней блога «Про Это». Она ведь как открытая книга. Да, меняет бойфрендов как перчатки, зато никого не обманывает и не предает. А еще она из тех девушек, которые легко общаются с разными социальными группами в «Бэйвью-Хай» — для нее, в отличие от большинства из нас, не существует незримых границ. Быть не может, чтобы на Фиби кто-то откопал компромат.

Серые точки мигают на экране. Аноним не торопится, нагнетает напряжение. И пусть я не считаю, что заглотил наживку, мой пульс учащается. Я начинаю ненавидеть себя и уже готов перевернуть телефон экраном вниз, как наконец появляется текст.

Фиби спала с бойфрендом своей сестры Эммы.

Стоп. Что?!

Я оглядываю помещение, будто ожидаю какой-то групповой реакции. Порой забываю, что я здесь единственный старшекласник. На меня никто внимания не обращает, у всех работы выше крыши, и я снова

смотрю в телефон. Экран погас, и приходится нажать кнопку, чтобы оживить его.

Фиби спала с бойфрендом своей сестры Эммы.

Не может быть! Во-первых, разве у Эммы Лоутон вообще есть бойфренд? Она одна из самых тихих и необщительных в классе. Насколько мне известно, состоит в интимных отношениях разве что с домашними заданиями. А во-вторых: Фиби не могла так поступить с сестрой. Конечно, я не особо хорошо знаю Фиби, но есть же правила. Мои сестры за подобное глаза бы выцарапали.

Тем временем одна за другой появляются новые строки текста.

Ну как, Бэйвью? Спорим, вы и не знали?

Стыдно. Теряете квалификацию.

Маленький совет на будущее: всегда принимай Вызов.

Глава 4

Мейв

Четверг, 20 февраля

Кому, как не мне, знать правила общения с теми, чья самая сокровенная и мрачная тайна только что стала известна всей школе! Впрочем, я давно не практиковалась.

Вчера я сидела в «Контиго» и корпела над домашним заданием, когда новая сплетня стала всеобщим достоянием. Как только у Фиби во время работы нашлась свободная минутка и она посмотрела в телефон, я сразу поняла, что это правда. На ее лице отразились те же эмоции, что и у Бронвин полтора года назад, когда Джейк Риордан выложил на сайте-двой-

нике информацию о ее «успехах» в химии. Не только ужас, но и вина.

Почти тотчас же в кафе ворвалась Эмма, вся багровая, с дрожащими руками. Я едва ее узнала.

— Это правда? Вот почему ты так странно себя вела? — выдохнула она, потрясая телефоном. Фиби стояла у кассы рядом с отцом Луиса и развязывала фартук. Наверное, собиралась сказать, что плохо себя чувствует, и улизнуть с работы. Она замерла и молча округлила глаза. Эмма подступала к сестре все ближе, и когда между ними осталось не больше дюйма, я на секунду перепугалась, что сейчас она ударит Фиби по лицу. — Это было, когда мы *встречались* с ним?

— Нет, после, — ответила Фиби, чересчур поспешно и категорично. И вот тут вмешался мистер Сантос — буквально сгреб обеих в охапку и увел в кухню. Больше я их в тот вечер не видела.

Когда я вернулась домой и связалась с Ноксом, он тоже все знал.

— А что ты хочешь? Эту сплетню сейчас в Бэйвью каждый дурак обсуждает!

Вечером я все думала — может, стоит поддержать Фиби, отправить ей сообщение, даже просто спросить: «Как ты?» Но дело в том, что хотя она мне всегда нравилась, мы не подруги. Мы *приятельницы*, в основном потому что я много времени провожу в кафе, где она работает; к тому же Фиби экстраверт и легко находит общий язык с каждым. Однажды она дала мне свой номер — «на всякий случай», но я до сих пор ни разу им не воспользовалась, и, наверное, сейчас неподходящее время начинать. Будто мной движет не беспокойство, а всего лишь любопытство. Спускаясь к завтраку, я так и не могу определиться, было ли мое побуждение разумным.

Мама сидит за ноутбуком, сосредоточенно глядя на экран. Когда Бронвин жила дома, мы обычно завтракали все вместе за кухонным островом, а теперь мне почему-то не по себе ощущать рядом с собой пустое место. У меня даже пропадает аппетит. И пусть мама никогда об этом не скажет вслух — ведь учеба в Йеле для них обеих мечта всей жизни, — но, по-моему, она чувствует то же самое.

— Угадай, что у меня есть? — Мама поднимает взгляд и дарит мне ослепительную улыбку. Я тем временем достаю из шкафчика у раковины коробку «Фрут лупс», и она недовольно морщится. — Не помню, чтобы я покупала сухие завтраки.

— Значит, кое-кто другой купил, — отвечаю я и до краев наполняю миску разноцветными колечками, а затем выуживаю из холодильника пакет молока и сажусь рядом. Входит папа, повязывая галстук, и мама с притворным ужасом восклицает:

— Хавьер, как ты мог? Мы же договорились — только здоровая еда!

Папа на секунду делает виноватое лицо.

— Зато они обогащены витаминами и минералами. На коробке написано.

Он выхватывает несколько штук из моей миски и запихивает в рот, прежде чем я успеваю добавить молока.

Мама закатывает глаза.

— Такой же несносный, как твоя дочь. Не жалуйся потом, что зубы болят.

Папа проглатывает свои хлопья и целует маму в щечку, а меня в макушку.

— Обещаю вытерпеть лечение кариеса с должным уровнем стоицизма. — Отец переехал в Штаты из Колумбии десятилетним ребенком и говорит без малейшего акцента, однако в его речи присутствует не-

кий ритм, отчего она кажется чуть более правильной, чем нужно, и слегка мелодичной. Я от этого просто тащусь. Кроме того, мы с ним оба сладкоежки, а вот мама с Бронвин нашу общую страсть не разделяют. — Не ждите меня к ужину, хорошо? У нас сегодня собрание членов правления, вернусь поздно.

— Что с тебя взять, потакатель, — с нежностью говорит мама, и отец, взяв ключи, направляется к двери.

Я зачерпываю большую ложку уже разбухших «Фрут лупс» и с набитым ртом киваю на ноутбук.

— Ты хотела мне что-то показать?

Мама застывает в недоумении — я слишком резко сменила тему разговора, — а затем, просияв от радости, восклицает:

— О, тебе понравится! Я купила билеты на мюзикл. «В леса»*. На следующей неделе, как раз Бронвин приедет. Театр «Цивик» в Сан-Диего. Посмотришь, как выглядит «Бэйвью-Хай» на фоне профессионалов. Школьная театральная студия весной ставит именно эту вещь, я не ошибаюсь?

Прежде чем ответить, я заглатываю еще одну ложку хлопьев. Мне нужна пара секунд, чтобы выйти на требуемый уровень энтузиазма.

— Именно. Фантастика! Чудесно!

Ну вот, перестаралась. Мама хмурится.

— Тебе не хочется идти?

— Нет, что ты, очень хочется. — Я продолжаю лгать, но маму не убедишь.

— А что не так? Ведь ты любишь музыкальные постановки.

Эх, мама, мама... Как неустанно она пестует любое из моих преходящих увлечений! *Однажды Мейв*

---

* «В леса» — мюзикл Джеймса Лэпайна по мотивам сказок братьев Гримм. — *Здесь и далее примеч. пер.*

играла в спектакле. Следовательно, Мейв любит театр! Я участвовала в школьной постановке в прошлом году, и это было здорово. С тех пор театр отправился на полку, как и многие другие вещи, которые я попробовала один раз, и поняла, что больше не хочу повторять.

— Люблю. Но ведь Бронвин уже смотрела «В леса». Мама морщит лоб.

— Смотрела? Когда?

Я вылавливаю ложкой остатки «Фрут лупс» и тяну время, прожевывая их.

— Кажется, на Рождество. Вместе с... с Нейтом.

Уф. Абсолютная ложь. Нейта не затащить на мюзикл даже под страхом смертной казни.

Мама хмурится все сильнее. Не то чтобы она не любит Нейта; она просто считает его и Бронвин «выходцами из разных миров». К тому же мама продолжает настаивать, что Бронвин слишком молода для серьезных отношений. А когда я напоминаю, что они с папой познакомились в колледже, уточняет: «Мы учились *на предпоследнем курсе*». Можно подумать, к предпоследнему курсу она уже лет десять как была взрослой!

— Ладно, попробую дозвониться до Бронвин и уточнить. — Мама берется за телефон. — В течение получаса билеты можно вернуть.

Я хлопаю себя по лбу.

— Ой, я ошиблась! Не надо ничего возвращать. Они не смотрели «В леса». Они смотрели «Форсаж», фильм двенадцатый. Вроде бы... Знаешь, я их вечно путаю.

Мама озадаченно смотрит, как я наклоняю миску и громко допиваю розовое от хлопьев молоко.

— Мейв, прекрати, тебе давно не шесть лет. — Затем она поворачивается к ноутбуку, насупив брови. —

Ладно, я только проверю почту. Очень много новых писем.

Внезапно у меня начинает течь из носа. Я ставлю чашку на стол, беру салфетку и с мыслью «рановато для весенней аллергии» высмаркиваюсь, затем опускаю руку, и...

О нет!

Молча встаю, комкая в руке салфетку, и иду в ванную на первом этаже, а тем временем под носом скапливается жидкость. И даже не посмотрев в зеркало, я знаю, что увижу. Бледное лицо, сжатые губы, безумный взгляд — и тонкие струйки ярко-красной крови, вытекающие из обеих ноздрей.

Ужас поражает меня сильно и практически мгновенно.словно в кино, когда кто-то выстрелил из тазера: молниеносный удар, холодовой шок, и вот я уже превратилась в дрожащую студенистую массу, с трясущимися руками, которые даже не в состоянии удерживать салфетку. Кровь впитывается в нее, и веселенький рисунок окрашивается в красный. Сердце стучит так, словно вот-вот вырвется из груди, и его безумный ритм эхом отдается в ушах. Глаза в зеркале непрерывно моргают, а в мозгу с тем же интервалом грохочут два слова:

Она вернулась. Она вернулась. Она вернулась.

Всякий раз, когда моя лейкемия возвращалась, все начиналось с носового кровотечения.

Я представляю, как показываю маме окровавленную салфетку, и воздух выходит у меня из легких. Нет, не смогу. Ведь с ее лицом вновь произойдет *это* — как в кино при замедленной съемке, когда человек может состариться на двадцать лет за двадцать секунд. Мама позвонит папе, он примчится домой, и его утренняя веселость разом улетучится. Он словно наденет маску, которую я ненавижу всеми

фибрами души, потому что знаю, какая внутренняя молитва ее сопровождает. Я слышала эту молитву однажды, в восьмилетнем возрасте, когда едва не умерла; он сидел у моей больничной койки с поникшей головой и одними губами шептал по-испански: «Por favor, Dios, llévame a mi en su lugar. Yo por ella. Por favor»*. Я была почти без сознания, но все же думала: «Нет, Бог, не слушай его». Потому что отвергала любую молитву, в которой папа просил Бога позволить ему занять мое место.

Если я покажу маме салфетку, эта карусель опять закрутится. Мне придется пройти обследования — сперва наименее инвазивные и наименее болезненные, а затем и остальные. Потом мы будем сидеть в кабинете доктора Гутьерреса, смотреть на его худощавое озабоченное лицо, а он взвесит все «за» и «против» одинаково жестоких вариантов лечения и напомним, что *с каждым последующим рецидивом побороть лейкемию все труднее, и нам следует реагировать соответственно*. И наконец мы выберем свой яд. В последующие месяцы меня ждут потеря веса, волос, сил и времени. И потеря надежды.

В прошлый раз, когда мне было тринадцать, я сказала себе, что больше такого не хочу.

Кровотечение прекращается. Я изучаю салфетку, изо всех сил стараясь быть максимально беспристрастной — как осматривал бы ее посторонний врач. Вообще-то крови не очень много. Может, причина тому сухой воздух; все-таки на дворе февраль. Порой кровь из носа — это всего лишь кровь из носа, и не стоит впадать в панику. Закусив губы, я делаю глубокий вдох, ощущаю, как воздух наполняет легкие,

---

* Прошу тебя, Боже, пусть я лягу на ее место. Возьми меня вместо нее. Прошу тебя (*исп.*).

и мой пульс замедляется. Бросаю салфетку в унитаз и торопливо нажимаю на слив, стараясь не смотреть, как тонкие красные нити растворяются в воде. Затем достаю «Клинекс», вытираю оставшиеся следы крови и говорю своему отражению, вцепившись в края раковины:

— Все хорошо. Все прекрасно.

Этим утром анонимный организатор нового развлечения разослал «Бэйвью-Хай» два сообщения: объявление, что скоро в игру вступит следующий участник, и ссылку на пост с правилами игры. И теперь за ланчем все массово читают новую версию сайта «Про Это», не отрываясь от телефонов и рассеянно запихивая в рот еду. Не могу отделаться от мысли, что Саймону это *понравилось бы*.

Хотя, если уж быть совсем честной, сейчас меня вообще не волнует всеобщее помешательство.

— Меня до сих больше всего удивляет, что у Эммы был бойфренд, — говорит Нокс, украдкой покосившись на столик, где сидят Фиби, ее подруга Джулс Крэндалл и группа их одноклассниц. Эммы нигде не видно, хотя она и так не ходит на ланч вместе со всеми. Наверняка обедает где-то вне школы со своей единственной подругой, тихой девочкой по имени Джиллиан. — Как считаешь, он из нашей школы?

Я хватаю кусочек картофеля фри, который мы взяли на двоих, окунаю в кетчуп и запихиваю в рот.

— Никогда не видела Эмму с парнем.

Люси Чен, увлеченная разговором с соседями, разворачивается на стуле и с осуждением спрашивает:

— Вы тоже про Фиби с Эммой? — Люси та еще штучка: что бы ни делали другие, вечно критикует, а сама тем временем старается влезть туда же. В этом году Люси удалось в буквальном смысле выбиться